

Глава первая

Неожиданная помолвка

Кощей Бессмертный умер в начале лета. Говорят, так было предначертано и занесено в книгу Судьбы. Но Лютогор Кощеевич, по прозвищу Лис, в предначертания не верил. Судьба ведь птица гордая, пока не пнёшь — не полетит. Вот будешь действовать, тогда да, преуспеешь. Или умрёшь, пытаясь.

Он, как никто другой, знал, какую цену пришлось заплатить, чтобы освободить Навье княжество от гнёта ненавистного отца... Да что греха таить — сам тому поспособствовал. А всё ради любимой матушки, Василисы.

Если бы ещё ей это помогло...

Кощей был далеко не дурак и в верности сына сомневался не зря. А чтобы наследничек не дурил, заколдовал его мать. Вморозил Василису в вечный лёд, и заклятие это не разрушилось даже с Кошеевой гибелью. Способ освободить её был непростой, как обычно. В жизни ничего не бывает просто, это же вам не сказка...

Лис отложил перо и обратился к вороне, сидевшей рядом с его столом на шестке:

— Скажи-ка, вещун... Как думаешь, у меня получится?

— Смотр-ря что, — отозвалась птица.

Своего говорливого питомца Кощеевич называл Вертоплясом. Это был ещё воронёнок. Слёток, который только-только научился разговаривать по-человечески. Что он мог знать о будущем? Но Лис всё равно любил с ним беседовать — надо же было хоть кому-то выговориться, облегчить душу.

Другие вещуньи знали намного больше, да где они все теперь? Разлетелись после Кошеевой смерти. А Вертопляс остался. Лису его подарили. При Кошее жил в замке такой дядька Ешэ, советник бессмертного князя. Все его боялись. Ну а как не бояться, если он колдун, каких мало? К тому же дядька Ешэ заведовал подземельями. И упыриные фермы, где готовили нежить для войны с Дивьим царством, в его ведении находились. И палачи. И судьбу узников тоже он решал. А ещё — держал птичник. Все вещуньи ему подчинялись: летали по свету да новости приносили... В общем, страшный человек был дядька Ешэ, но Лис его всё равно любил. Потому что советник отца был к нему добр, как к родному сыну.

Если бы отцов выбирали, Лис был бы рад отказаться от родства и Кошеевой крови. Даже втайне мечтал, чтобы Ешэ его хоть раз сынком окликнул, но не дождался. Но тот придумал ему прозвище: Лисёныш. И кроме него, никто так княжича называть не смел.

— Не знаю, за что хвататься, — жаловался Лис Вертоплясу, подперев кулаком острый подбородок. — Вроде сперва всё хорошо складывалось: отец помер, война с Дивьим царством закончилась, знамёна эти дурацкие со змеюками мы с башен замка сняли, людей порадовали... Я думал, и дальше пойдёт как по накатанной. А тут что ни день — новые проблемы.

Воронёнок склонил голову набок:

— Пр-роблемы?

Кощеевич принялся загибать пальцы:

— Во-первых, мир с царём Ратибором у нас не подписан. Каждый сидит в своих палатах, никто ни на кого не нападает, но разве в случае окончания войны правители не подписывают такие особые грамоты?

— Обязательно надо гр-рамоты, — кивнул Вертоплас.

— Во-вторых, Серебряный лес в приграничье. Я считаю, он наш, навий. А у дивьего царя иное мнение. И никто уступать не хочет. Говорят, они с Кошеем на первых порах именно из-за леса и сцепились. Это ещё до моего рождения было, так что, сам понимаешь, свечку не держал.

Лис вздохнул и подёргал себя за длинную тёмную прядь у виска. Та вечно выбивалась из хвоста. Раздражала.

— Дур-рацкий лес! — каркнул вещун.

— Не такой уж и дурацкий. Там, между прочим, растут ели с серебряными иголками. Представляешь, какое это богатство? Оно и для чеканки монет годится, и для чародейства. Не зря же у нас в Нави серебро дороже золота ценится. Ладно, вот тебе третья проблема: огнепёски Кошеевы разбежались. Шастают теперь по окрестным лесам, огненными глазами зыркают, траву палят. А кого встретят — сразу жрут. Сам знаешь, какие это злющие твари. Волков и тех слопали! По-хорошему, надо бы охоту устроить да объявить награду за голову каждой псины...

— Нагр-рада — это хор-рошо! — Воронёнок открыл клюв, и Лис, поняв намёк, поделился с питомцем

кусочком мяса со своей тарелки. Всё равно уже заветрилось — у княжича совсем не было аппетита.

— Ладно, значит, будет охота. Надо поспешить, пока эти твари всех моих подданных не слопали. Эх, а ещё с горынычами надо что-то делать. Они посла прислали. Моего ответа ждут...

— А кор-ронация? — осторожно напомнил Вертопляс.

Лис отчаянно замахал руками.

— Иди ты! Это тебя советник Май просит каждый день мне про коронацию в уши каркать? Сказал же — нет! Хочу, чтобы мать могла присутствовать на празднике в мою честь, понимаешь? Иначе всё будет не по-настоящему. Вот вызволим её из ледяного плена, тогда и коронуюсь.

— Дур-рачок, — сказал вещун ласково и почему-то с интонациями советника Мая. Ну понятно, кто научил...

— И вот тебе главная задачка: расколдовать Василису. Для этого нужен волшебный перстень дивьего царя, но этот гад не ответил ни на одно моё послание, представляешь?

— Вр-ремя.

— Думаешь, дать ему немного привыкнуть к мысли, что у нас власть переменялась? — задумался Лис. — Что ж, может, ты и прав.

— Р-развейся, р-развлекись!

Нет, его точно Май подучил... Но, вопреки обыкновению, княжич не стал спорить. Пожалуй, ему и впрямь стоит погулять, собраться с мыслями, насладиться последними деньками лета. Оно ведь в Нави такое короткое! А проблемы подождут.

— Доедай, я не буду, — кивнул он Вертоплясу на тарелку с мясом. Накинул на плечи жилет с меховым воротником, взял гусельки и, обернувшись к птице уже от двери, добавил: — Почему меня никто не предупредил, что править страной — такая морока?!

Кощей так долго обманывал смерть, что, когда они всё-таки встретились с безносой, его тело сразу обратилось в прах. Даже кости истлели. Однако Лис решил, что негоже оставлять отца без погребения. Ещё не хватало, чтобы в замке Кощеев призрак поселился...

По его приказу прах отскоблили от простыней, собрали в глиняный сосуд, и Лис собственноручно закопал его в яблоневом саду у той самой башни, где была заключена его мать. А на могиле посадил молодой дубок — благое дерево, — чтобы защищал от всякой не-жизни. Сперва он не думал, что будет приходить к отцу на могилу, но что-то тянуло...

Нет, Лис не тосковал — было бы о чём! Скорее ему требовалось раз за разом получать доказательство: да, злодей мёртв. Это не сон, всё взаправду.

Плакать княжич разучился ещё в детстве, поэтому приходил, садился под дубок на камушек, играл на гуслях и пел. Песней проще было выразить, что наболело: и собственную растерянность, и страх не справиться с ответственностью, которую он взвалил себе на плечи, и дурные предчувствия, от которых каждый день ныло сердце. А ещё — скорбь по матери.

Как же бедняжке Василисе не повезло! Когда Кощей унёс её из Дивнозёрья — деревни в мире смертных, — ей было столько же годков, сколько Лису сейчас. Ну, в пересчёте с навших на человеческие, разумеется. Чуть боль-

ше сотни — это ведь как раз где-то семнадцать-восемнадцать? И всё, с тех пор она свободы не видела. Злейшему врагу такой участи не пожелаешь...

Лис подёргал струны на гусях, проверяя строй, и зло бросил ни в чём не повинному дубку:

— Не было бы тебя, я бы не сделался бессмертным!

— Не было бы его, ты бы вовсе не родился, — прозвучал в ответ тихий женский голос.

Парень вздрогнул и обернулся — никого.

Он сложил пальцы в щепоть, готовясь отразить нападение, но в саду лишь ветер тихонько шелестел листьями.

— Померещилось, наверное, — решил Лис.

Хоть он и сетовал на бессмертие, но всё же немного лукавил. Сколько раз его уже пытались убить в собственном доме? То сторонники сестрицы Доброгневы являлись под личиной. То навья аристократия, которой он нос утёр, пыталась поставить зарвавшегося княжича на место. А то и дивьи мстители заявлялись, которые ненависть к Кощею на его сына перенесли. Никто из лиходеев не преуспел, потому что Лис, не будь дурак, смерть свою запрятал хорошо. Не как отец.

Зачем все эти сложности: утка, заяц, — если можно носить смерть с собой, перемещая при необходимости в любой предмет, которого коснулся? То-то удивились бы дивьи, узнав, что стрелу пускать надо было не в грудь Кощеевичу, а, скажем, в его сапог! А спустя мгновение — уже не в сапог, а в камушек, который он схватил, падая... Лис был горд своей придумкой — она уже столько раз спасала ему жизнь.

Снедаемый печалью, он перебирал струны, на ходу сплетая мелодию. Не колдовскую, а самую обычную. Своими музыкальными талантами он тоже гордился, потому

что Кощей играть ни на чём не умел, песен не придумывал и даже пел на редкость фальшиво. Значит, в этом Лис тоже превзошёл отца.

Тоскующая душа просила песен, и княжич тихонечко замурлыкал себе под нос:

«Как в Огонь-реке пламя растеклось — от тебя ко мне перекинут мост. Звонкий, как струна, тонкий, словно нить, — не перелететь, не перескочить».

Увлёкшись, Лис не сразу заметил, что в его песню вплёл девичий голос — да так ладно, как будто всегда там был. А ведь он слова на ходу сочинял. Откуда эта девица их знает? И как вообще оказалась в зачарованном саду, куда людям хода нет? Может, это кто-то из прислуживающей нежити? Тогда как она посмела лезть куда не просят?

Так много вопросов, так мало ответов.

Он оборвал песню на середине, огляделся — и охнул от неожиданности. Прямо за его спиной стояла незнакомка в чёрном платье. Никак, опять убийцу подослали?

Лис отпрыгнул в перекате, бросил гусли на траву, заодно переместив в них жизненную силу, и приготовился к сражению. Но незнакомка не спешила нападать.казалось, ей вообще не стало никакого дела до юного княжича, как только тот замолчал.

Она погладила ладонью ствол молодого дубка на могиле Кощей и вздохнула.

«Может, чёрное платье — это траур? Неужели в этом мире есть кто-то, кто горюет об отце?» — подумал Лис и тут же кивнул сам себе.

Да, и такое могло быть. Большинство Кощей, конечно, ненавидели. Одни придворные поклонялись ему из страха, другие искали выгоды для себя и своих семей... Но было

одно пророчество. Хотя вернее назвать его проклятием. Мол, только тогда родится у Кощея наследник, когда одна девица возненавидит его больше жизни, а другая так же сильно полюбит. И это случилось, раз Лис, единственный сын Кощея, появился на свет. Той девицей, что ненавидела отца, была его мать Василиса. Но Анисья, одна из многочисленных Кошчевых жён, полюбила похитившего её негодяя. Как так? А пёс его знает, сердцу не прикажешь...

И если Анисья прикипела сердцем к Кощею, то могли быть и другие такие же девицы.

Незнакомка по-прежнему обнималась с дубком, что-то беззвучно шепча. Лис не хотел мешать ей скорбеть, поэтому молчал и тайком разглядывал. Красивая: волосы — вороново крыло, глаза как вишни — даже темнее, чем у самого Лиса. Платье богатое, чёрным жемчугом искрит-переливается. И... странное какое-то. Не навье и не дивье, а что-то между. Пояс узорчатый, тканый, а за поясом — вострый серп. И ещё мешочки, в каких травы носят. Значит, чародейка или воительница. А может, и то и другое разом...

И тут Лис замер, поражённый догадкой. Это что же, сама Мара Моревна пришла?! Потому что если кто и мог проникнуть в зачарованный сад без приглашения, то это она — ведунья из Нитяного леса. Того самого, где судьбы всех живущих плетутся. Не зря её называли Хозяйкой волшебства.

Лис знал, что Кощей — ещё давно, задолго до его рождения — сватался к Маре Моревне, только та его на смех подняла. Сказала: на кой мне за околеванца костлявого замуж идти? А теперь, выходит, пришла проститься...

— Что ты смотришь на меня так, будто дыру собираешься прожечь?

Звонкий голос Мары Моревны заставил Лиса смутиться и пробормотать:

— Прости...

— Али не узнал? — Чародейка сплела руки на груди. — Мы с отцом твоим лучшими друзьями были, а теперь я и к тебе дружитья пришла.

— Узнал! — с восторгом выдохнул Лис. — Ты Мара Моревна, великая чародейка, властная над судьбами этого мира. И я рад приветствовать тебя в своих землях. Разреши пригласить тебя в замок, к столу. Если бы ты предупредила, что явишься, мы бы пир горой закатали. Но и так найдётся чем попотчевать.

Девушка скривилась:

— Не угадал, дружок. С сестрицей Марушкой меня перепутал. Впрочем, я привыкла. Нас даже батюшка порой не различал, представляешь? А многие так и вообще не знают, что нас две. Ну что, теперь хоть понял, кто я такая?

Лис покраснел. Стыдно было допустить ошибку, но он до сих пор не понимал, с кем имеет дело. И Мару Моревну-то многие легендой считают, а уж про её сестру и вовсе не слыхивали...

— А на вид казался умнее, — поджала губы девушка.

Лис молчал. Мысли роились в его голове, словно пчёлы. Кажется, даже пытались жужжать. Но высказать хотя бы одну из них он боялся: а вдруг гостя обидится? И будет ещё одна проблема — словно других мало.

Девушка то улыбалась, то хмурилась, и было совершенно непонятно, то ли её забавляет происходящее, то ли серьёз злит.

— Хорошо, я намекну. Покажусь тебе в истинном облике.

Она шагнула ближе, заглянула Лису в глаза — и тот заорал так, что чуть не сорвал голос.

Нет, ну а как ещё прикажете реагировать, когда подведённые сурьмой глаза-вишни вдруг превращаются в тёмные провалы, а на месте милой улыбки возникает хищный оскал черепа? Миг — и наваждение пропало.

— Да чтоб я сдох!

Девушка снова расхохоталась:

— Боюсь, с этим у тебя некоторые трудности, дружок. Ты ведь меня отверг, как и твой отец. Да только вот незадача: тот, кто смерть гонит, на самом деле обручается с нею навеки. Возьмёшь колечко? — Она протянула на ладони тонкий серебряный ободок с камушком-слёзкой.

Лис хотел отказаться, но не смог. Рука сама потянулась к подарку. Будто во сне он взял кольцо, надел его на палец и понял: всё, снять теперь не получится.

А девушка ухмыльнулась:

— Не переживай. Люди его видеть не будут. Только такие же, как ты, — кто тоже смертью пренебрёт. Но поведаю тебе, суженый мой, ряженный: других бессмертных сейчас в мире нет. Ты единственный мой жених. Впрочем, радуйся — я не ревнива. Можешь с другими девушками водиться, мне без разницы. Я за тобой наблюдать буду, а придёт срок — своё всяко заполучу.

— Так ты и есть Смерть! — ахнул Лис.

Вот только что теперь с этой догадкой делать? Эх, лучше было бы оставаться в неведении. Его ладони похолодели, по спине пробежали колющие мурашки, а ноги стали ватными. Сейчас захотел бы убежать — не смог. Да и разве от смерти убежишь? Даже если ты бессмертный...

— Можешь звать меня Рена, — улыбнулась девица. — А то Марена Моревна — слишком уж церемонно для жениха и невесты.

Она показала Лису в точности такое же колечко на своей руке. Ох, выходит, всё всерьёз?

Он на всякий случай ущипнул себя за щёку: может, это сон? Нет. Было больно.

— Ты... любила моего отца? — еле вымолвил Лис пересохшими губами.

— Я вообще людей люблю. — Рена подмигнула. — Чего дрожишь? Неужто собираешься жить вечно?

— Да, предполагал что-то вроде этого. — Усмешка вышла кривой, ненастоящей. — И я не боюсь тебя. Просто... всё как-то неожиданно.

— Я рада. — Смерть взяла его за руку. — Знаешь, твой отец в последнее время часто впадал в ужас, когда я являлась пред его очи. Поэтому с ним нелегко было дружить. Но ты, я вижу, не робкого десятка. Зачем тебе вообще понадобилось бессмертие? У навях людей и без того долгая жизнь. И таких, как ты, полукровок это тоже касается.

— Пф! Да я сколько живу, меня всё время убить пытаются. Даже в младенческую люльку ядовитых змей подкладывали.

— Цена бессмертия велика. — Марена в задумчивости закусил губу. — Думаешь, оно того стоило?

Сомнение шевельнулось в душе, но Лис отмёл его с неодобанием.

— Да. Потому что я всё ещё жив. А остальное — не важно...

— Как знать, как знать... — покачала головой Смерть. — В общем, покамест я на твоей стороне. Попро-

буем подружиться. Если помощь какая понадобится — обращайся. Не только моя сестрица умеет судьбы менять да желания исполнять. Усёк?

И, дождавшись кивка, пропала. Только холодным ветром в лицо пахнуло: колючим, промозглым, с запахом могильной земли.

Но Лис знал: они ещё встретятся. Это уж как пить дать!

Глава вторая

Первое предсказание вещуњи

Развеяться не получилось. После такой прогулки Лис вернулся в замок в ещё более взвинченном состоянии. Единственное, о чём он мог думать, — как бы упасть в кровать, натянуть на уши одеяло и забыться сном. Желательно — без сновидений. Но сегодня всё было против него.

Ещё на подходе к своим покоям он услышал громкое карканье Вертопляса. Это полбеды: вещуна всегда можно попросить заткнуться. Вот только Вертопляс был не один. Прислушавшись, Лис узнал голос его собеседника. Конечно же, советник Май. Ну кто ещё посмел бы войти в покои княжича, когда хозяина нет на месте?

Вместо того чтобы разогнать всех, Лис остановился под дверью, прислушиваясь... Интересно, о чём они там судачат? Наверняка же его обсуждают.

Княжич не ошибся, советник с воронёнком действительно говорили о нём.

— И как давно ушёл? — Лис хоть и не видел Мая, но представил, как тот вертится, словно на иголках.

— Изрядно.

— А сказал, куда пойдёт?

— Пр-рогуляться. Гусли забр-рал. Говор-рит, много пр-роблем.

— Ох, да. Этого добра у нас навалом... — Май был ровесником Лиса, но его голос порой всё ещё звучал как у подростка и периодически давал петуха. — Слышал, огнepёски опять напали на селение. Теперь уже в низине. Повезло, что шаман на рассвете не спал. Бросил в костёр разрыв-траву. Так громыкнуло, что псины убежали, поджав хвосты. Правда, пара человек с тех пор заикаются. Немудрено, когда от взрыва проснулся...

— Mr-рак! — согласился Вертопляс.

— Ты говорил с Лисом про охоту?

— Говор-рил. Он обещал устр-роить.

— А про коронацию?

— Тоже говор-рил. Отбр-рыкивается.

У Лиса едва не вырвалось: «Ага-а!» Вот как знал, что это советник Вертопляса науськивает. Где-то в глубине души он знал, что Май прав, но всё равно упирался. Да и разве до праздников им сейчас?

— Послушай, Вертопляс... — Советник понизил голос так, что Лису пришлось прислушиваться. — Как думаешь, в каком он нынче настроении? Ну, вообще.

— В дур-рном, — не раздумывая ответила птица.

— Вот то-то и оно... Беспокоюсь я. Ты ему о предсказании не сболтнул, надеюсь?

Тут Лис наострил уши. Какое ещё предсказание? Что эти двое от него скрывают?

— Нет. — Вертопляс щёлкнул клювом. — Но повтор-рюсь: скр-рывать пр-равду — нехор-рошо.

— Знаю-знаю. Мы обязательно всё расскажем, но попозже. Сперва я должен сам во всём разобраться, понимаешь? Знал бы ты, как непросто быть советником, мой серый друг! Ещё и единственным. Даже у Кощея их два было!